

Юрий Михайлик

Отражение

В нашем мире нет ничего далекого, ничего близкого, все живем рядом друг с другом на расстоянии щелчка пальцем на клавишах компьютера.

Где та Австралия? Где мы для Австралии? Но получаю письмо из Сиднея от Юрия Михайлика, а в нем стихи, прекрасные стихи, грустные стихи о карантине.

После Пушкина, после карантина в Болдине, вечная тема в русской поэзии. Коронавирус дал возможность поэтам XXI века сказать свое слово о карантине.

Евгений Голубовский

* * *

Что ж, карантины – лучшая пора
для русского стиха и русской прозы,
сугробы зябнут посреди двора,
извилиста, как строчка, по морозу
тропиночка. Колодец ледяной.
Нельзя поверить, что настанет лето.
Глаза болят от снега и от света.
Судьба стоит спокойно за спиной.
Не торопись – над снегом, над бумагой,
над их родством, над ночью, над пургой –
и только волки воют за оврагом,
один начнет, откликнется другой.
Не торопись. Ты знал, что путь пределен,
тропиночка к колодцу коротка,

и все, что этой ночью не успели,
уберегут тугие облака,
недвижные до срока ледоходы –
метафора разбойничьей свободы.
Ты – пленник, милый мой. Живи один.
И пусть твои недвижные сугробы
тебя избавят от микробов злобы,
твоя кора и кара – карантин.
Что там вокруг – какие лекаря,
какие там уставы и заставы...
Здесь все твое. Ты сам имеешь право
на волчий вой в начале декабря.
Лишь знаки препинания расставить
по блещущей тропинке в феврале.
Живи как жил. К апрелю снег растает.
И нас уже не будет на земле.

1.

Бухта Варнека на острове Вайгач.
Порт-убежище. Спокойная вода.
После длительной раздачи неудач.
После шторма. После бешеного льда.

Порт-спасенье. Трое суток тишины.
В скалах прячется песцовое ворье.
И квадратные проталины видны –
это прежнее прибрежное жильё.

Голый камень. Слабый ветер – чистый норд.
Легкий шелест засыпающей воды.
То, что ласково поглаживает борт, –
это бывшие и будущие льды.

2.

Здесь ни жить, ни плыть, ни просто помнить.
Нас укрыли – тьма и тишина,
освещает северную полночь
лишь подсветка компаса одна.
Ни календарей, ни расстояний,
леденеют стрелки на часах,
вышних фантастических сияний
нету в непроглядных небесах.
В темноте – покинуто и сиротливо –
бьется стрелка бабочкой на свет.
И огней по берегам Таймыра
в мире нет. И мира тоже нет.
Тишина. Ни выдоха, ни вдоха.
Мрак и холод вдоль и поперек.
Арктика. Беззвездная эпоха.
Вахта – от ноля до четырех.

3.

Что не так? А в жизни все не так.
И над Ледовитым океаном
вниз трубой плывет буксир «Спартак»,
старенький, колеблемый туманом.

Облака из пористого льда
в серебристо-серой мягкой гамме.
И матрос, замороженный в года,
должен плыть над нами вверх ногами.

Что ему в холодных облаках,
чтоб уже навечно быть счастливым –
молодость, туман, штурвал в руках,
рисовая каша с черносливом,

вниз башкой веселой, у руля, –
за спиной без всякого усилья
сизые полярные поля
развернув, как ледяные крылья.

Не упомяну – кто же он такой,
тихий призрак в небе надо мною.
Не взглянул, не помахал рукой,
убывая в счастье ледяное.

